

облеченныхъ въ „исполнительные листы“. Самая рѣзкая противоположность существуетъ между формальною суровостью закона и обычнымъ народнымъ правомъ, примѣняемымъ въ крестьянскихъ волостныхъ судахъ. Тамъ каждая сдѣлка разбирается по внутреннему ея содержанію, а не по внѣшней ея силѣ,—по фактическимъ мотивамъ и послѣдствіямъ, а не по буквальному смыслу; тамъ исканіе житейской справедливости ставится всегда впереди голой законности. Оттого приговоры волостныхъ судовъ удивляютъ насъ нерѣдко своею странностью: часто выводъ какъ будто не вытекаетъ изъ фактовъ; къ гражданскому взысканію примѣшиваются карательныя мѣры, и строгая логика вообще страдаетъ. Въ томъ-то и дѣло, что неумолимая логическая послѣдовательность не вижется съ разнообразными интересами жизни, и юристы считались врагами народа именно потому, что они гнались за логикою больше, чѣмъ за правдою, и доводили право до величайшей несправедливости (*summum jus-summa injuria*) ¹⁾.

Какъ дѣйствуетъ нашъ сводъ законовъ на крестьянскій бытъ, при полномъ иногда противорѣчій между народными воззрѣніями и содержаніемъ свода,—это достаточно извѣстно изъ громкихъ процессовъ, въ родѣ дѣла лютрическихъ крестьянъ съ управленіемъ графа Бобринскаго, или княгини Волконской съ крестьянами села Павловки. Крестьяне легко дѣлаются жертвами своей нужды или неграмотности, а являющіеся къ нимъ съ исполнительными листами судебныя пристава кажутся имъ непріятелями, незаконно посягающими на все ихъ существованіе. Необходимѣйшія принадлежности крестьянскаго хозяйства не избавлены отъ продажи съ молотка для удовлетворенія какихъ-нибудь дутыхъ претензій, скрѣпленныхъ формальнымъ образомъ. Въ дѣлѣ княгини Волконской, разбиравшемся два года тому назадъ въ тамбовскомъ окружномъ судѣ, выяснилось, что крестьянскій скотъ села Павловки проданъ былъ за долгъ въ 300 рублей, — несмотря на то, что „нѣкоторые крестьяне представляли квитанціи конторы объ уплатѣ долга, и всѣ просили, чтобы приставъ разобралъ, кто долженъ, а кто—нѣтъ“. Выяснилось также, что крестьяне деревень княгини Волконской, имѣя нищенскій надѣлъ, „состоятъ въ неоплатномъ долгу у княжеской экономіи, заключающей съ ними всевозможныя кабальныя условія и безпощадно взыскивающей по нимъ у мирового судьи и въ сѣздѣ, гдѣ часто бываетъ по 60—70 дѣлъ о взысканіяхъ княгинею Волконскою съ крестьянъ“. На судѣ крестьяне объяснили, что „какъ прежде они бывали почти всѣ дни недѣла на

¹⁾ См. нашу статью: „Правовѣдѣніе и политическая экономія“ (въ „Словѣ“, за 1879 годъ, № 10).